

БЕССОННИЦА

Мерно вышагивая, высоко вытягивая носки отменно начищенных сапог, два офицера в серых шинелях и фуражках несли на белых шарфиках гроб с телом Константина Черненко. От Кремлевской стены они повернули в чисто поле. Кругом никого не было. Офицеры шли недолго. Они поставили гроб у открытой могилы, четко развернулись и ушли. Седой Константин Устинович, блестя орденами, сел в своей домовине и заплакал.

После такого сновидения уже не спалось. Надо же что примерещилось!.. Я пытаюсь отключиться, но не получается. Отчего это «кино» в мозгу прокрутилось? Наверно, оттого, что на ночь читал районную газету. Днем некогда было, и хоть знаю, что всякие глупости нельзя брать в голову перед сном, все-таки прочитал «гвозди номера». Пенсионер написал о нынешней невеселой житухе. Тут спорить не о чем, жизнь тяжелая, на разруху похожая. Но вот антитеза странная: еще недавно, когда власть была, при коммунистах, народной, жили мы хорошо.

Этому автору вторит сельская учительница: раньше рабочим «щедро помогал профсоюз»; пенсионеры получали 40 рублей в месяц, и хватало, еще и детей материально поддерживали. Может, и хватало, но что это была за жизнь?

Что с памятью людской делается! Забыли, что с пяти утра очередь за мясом занимали, которое по талонам выдавали по полкило на человека. Ешь его весь месяц! А если подошел к открытию магазина, то надо было отстоять почти весь день. Тогда в этой очереди никто, как помнится, не шутил, но и крепко не ругался. Побаивались ругать КПСС и Советскую власть. Не опасались, что в концлагерь запихнут или в психушку, - нет, конечно. Тем более что у нас в Мезени о психушках для неудобных и не слыхали.

Недовольны люди, естественно, были. Но не Системой. Над Брежневым смеялись, первого секретаря обкома не любили, первого секретаря райкома боялись, - а Система в деле казалась правильной. И доставаться ей стало только в горбачевские времена, когда водки не хватало, когда ее по талонам на месяц бутылку или же две давали. И то надо было в магазине битву выдержать: а вдруг не хватит? Вот тогда и чесали в хвост и в гриву и коммунистов, и Советскую власть.

Да, а почему ж Черненко приснился, а не кто-то другой из Генеральных?.. А! - спал бы ты лучше, нашел о ком вспоминать!.. Вообще-то мне его жалко было. Когда он в качестве лидера страны пару раз выступил - не вызывающий симпатии из-за внешности да еще едва живой, -

я думал: «Ну куда ты полез? Умрешь - и добром тебя никто не вспомнит. А остался бы на старом месте, - тогда бы, может, другой табак был».

Господи, ночь-то идет и идет. Страшно на часы глядеть, сколько там. Когда знаешь, что поспал всего часа три или четыре и больше вряд ли сомкнешь глаза, тяжелей жить. Было у меня уже такое время, когда бессонница мучила. Первое время редакторства... Брось, брось эти воспоминания, иначе точно сегодня уже больше никакого сна не увидишь. Еще темно за зимним окном, еще можно бы сил набраться, если хотя бы вздремнуть... Господи, ну хоть бы не Черненко снился, неужели больше некому!.. Когда я был студентом, такое привиделось, что и через 22 года в деталях помню.

Перед тем, как наши отношения прекратились, от нее пришло письмо: «Я часто думала, почему я не могу полюбить этого парня? Так и не поняла...».

А вскоре я и увидел тот сон, который все еще дает мне надежду на встречу.

Мне будто бы уже очень много лет, я седой. Я в той же поморской деревне Козлы, в родной деревне любимого мной человека. Я там был у нее в гостях, и вот опять приехал, но теперь уже не вместе с ней, а один, в надежде найти ее.

У ее дома на меня залаяла та же собака, огромная и черная. Но она сидела на цепи, и не могла помешать мне пройти. На крылечке я вытер ноги о такой же кусок старой рыбацкой сетки. Захожу в дом, вижу ее, столь же молодую, красивую и по-прежнему - почти всегда непонятно почему - грустную.

- Здравствуй, - сказал я. - Голос мой осекся. - Знаешь, я скоро умру. Ты поживи, порадуйся на свете, а потом приходи ко мне. Я буду ждать тебя там.

Тут я проснулся. За окном была белая архангельская ночь. Я удивился: откуда эти слова? Это не мои слова. Чьи? Не Бунина ли? Я взял с подоконника сборник «Темные аллеи», нашел рассказ «Холодная осень». Вот они, эти строчки. Я не пробовал их запомнить, а произнес во сне почти слово в слово. Я повторил то, что говорил бунинский герой, уходя на фронт Первой мировой войны.

И вот прошло 22 года. Я ничего не знаю о ней: как она, где? Но, ей-богу, верю, что мы еще увидимся. Наверно, слезы блеснут в наших глазах, очистятся души... Я любил ее, а она только хотела полюбить меня, не смогла. Но между нами было добро, а оно не забывается, не исчезает из жизни.

Я поцелую ее руку, увижу теплые серо-зеленые глаза. 22 года я жду ее взгляда, столько же времени надеюсь. Даже больше чем надеюсь - я почти знаю, что мы встретимся, чтобы просто посмотреть друг на друга, сказать какие-то хорошие слова. Что бы ни было между нами и что бы ни произошло позже, мы нужны друг другу...

Э-э!.. Не слишком ли романтично? Не оттого ли рассиропился, что не большой везун по женской части, но все еще хочется чего-то особенно красивого?..

А может, Черненко к тому приснился, что меня тоже скоро похоронят? Бог ты мой, нашел, о чем думать. Умрешь и умрешь, давно знаешь, что не бессмертен. Из своих архивов уже выкинул плохие рассказы и стихи, которые могли бы убавить уважительного отношения детей к тебе. Вот и молодец, что готовишься помаленьку к уходу в другой мир... Хотя разве можно к этому подготовиться? Небошь, такой страх охватит, когда поймешь, что скоро тебя не станет... Ну и подумаешь! Как будто другие не боятся.

О! Ведь башка же целый день будет болеть! Спать бы надо... Да ясно, что уже не уснуть. Может, сесть за стол, попробовать что-нибудь написать в связи с этим «черненковским» сном? Как-никак скоро юбилей в стране - десять лет с начала горбачевской перестройки. Нет, прежде надо блокнот перелистать, тот, где записи разговоров с бабой Лампеей. А чего его перелистывать? И так хорошо помню, что в нем: уже сколько раз смотрел, хотел рассказ о ней написать, но не получается, не дано...

И частушки ее в памяти, и причитания, которые она сочинила. И другие ее вещи, которые она «жанрово не определяла».

- Вот, придумала, - говорила она.

- Проклята сметана!
- Как неделя, так ушат.
- Надоело бедным девушкам
- Сметанушку мешать.

У ее семьи в Ручьях, до ранней смерти отца, было хозяйство немаленькое, вот и хватало не только сметаны и масла. Два-три раза за зиму возили продукты на продажу за сотни километров в Архангельск. И птицу возили, и рыбу, и масло, и мясо. Тех больших щук, которых отец ловил, Лампея чертовками называла. А еще он сигов добывал. А теперь те озера запущены... Из Архангельска доставляли муку, сахар, чай, сладости. Очень Лампее «лампасье» в жестяных банках запомнилось - конфеты.

Может быть, моя любимая героиня хорошо-то и жила только тогда, когда семья свое хозяйство имела. Стол у Третьяковых бедным, кажется, никогда не был.

- Поглядите-ка на нас,
- Какая пара собралась.
- Друг на дружку схожи
- Да оба толсторожи.

Это было придумано, когда Лампея замуж вышла за парня из соседней деревни Мегра. Вот еще хорошая часть жизни. Впрочем, что за ерунда - нет, наверно, частей только хороших или только плохих... Но вскоре муж ушел на финскую войну, погиб, детей не осталось. Лампея так и прожила одиноко остальные годы, а их выпало 51. Родилась в 1905-м, а умерла когда? Через год после нашей последней встречи. А она была в 90-м, когда я стал собственным корреспондентом областной газеты.

Не то перед августовским путчем, не то вскоре после него окончила свои дни баба Лампея. Не запомнил, в каком месяце. А надо бы запоминать такое... Жизнь бабы Лампеи - событие. По крайней мере, для деревни Ручьи. Ярких людей везде мало. Возможно, они не в каждой деревне есть. Ручьям повезло.

- Давай выпьем, Сергей Николаевич. Наверно, в последний раз видимся.
- Лихо тогда баба Лампея рюмку спиртику разведенного опрокинула. Зарумянилась чуток.

Да, больше и не встретились. Она еще больше исхудала и умерла. А была когда-то крепкой, очень сильной.

Спирт она, видимо, на ледоколе пить научилась. То есть она могла выпить, выпивохой-то никогда не была.

- На «Дежнев» работаю
- С темени до темени.
- На гулянье не хватает
- Вечерами времени.

Так она зверобоев в последнем военном году потешала. Может, ей хорошо заплатили за экспедицию еще и потому, что настроение поднимать умела? Как баюнок в давние времена. Умаются люди во льдах, выслеживая тюленя; притащат убитых зверей на ледокол, еле волочат ноги; глаза бы ни на что не смотрели, а тут Лампея улыбку вызовет...

Натаскавшись тюленей, - а они бывают по шесть пудов, - и похудев за четыре месяца на 15 килограммов, Лампея приехала не в Мегру, а в Ручьи. В Мегре уже давно жить не хотела, и потому, что там было больше напоминаний о муже, и потому, что там с некоторых пор некоторые люди

имели основания не любить ее. В Ручьях купила «хату небогату», в которой и доживала свой век.

Маялась с дровами - носила плавник от моря. Потом, когда трактора появились, механизаторы за бутылку стали древесину возить. Она и ее подруга пилили бревна «Дружбой» номер два «пердячей». («Шир-шир. Шир-шир»). Водилась с чьими-нибудь детьми, потому что детского садика в Ручьях не было аж до конца восьмидесятых годов. А деревня немаленькая, у рыболовецкого колхоза два океанских траулера. Вот вам и «развитой социализм»!.. А пенсию-то Лампея заработала!.. «Смех сказать, грех потаить...»

С семидесятых годов к ней зачастили фольклорные экспедиции, записывали Лампею на магнитофон. Были у нее и те, кто хотел иконы купить. Но поморка не продавала.

Московские студентки-филологини очень ее любили.

- Я им пою-пою, повалюсь на кровать: «Ой, девки, не могу боле, устала, выключайте моталку». А они на меня как набросятся, давай обнимать да целовать... Я им говорю: «Подите, девки, прочь, оторвете мне голову-то...» Вишь, сколько у меня детей - и в Ручьях, и в Москве. Я мать-героиня!.. Мне из Москвы и открытки шлют, и лекарства...

Письма она интересные писала. Точнее, писала-то не сама. От нее самой единственное письмо было, тяжело она буквы выводила. (Отец разрешил только один год учиться. «Ребята в армию пойдут, им надо грамота, а девки и так хороши, только письма парням писать, а можно и без писем жить...»). Лампея произносила вслух то, что мне предназначалось узнать, а подружка, агент Госстраха на пенсии, оформляла ее «тезисы». Очень хорошо было понятно, что записано буквально со слов Лампеи, а что прибавила грамотейка. «Здоровье зависит от погодных условий», - таких оборотов у Лампеи никогда не было. «Письму вашему я рада-радешенька», - вот это точно она.

Эти письма - аргумент в заочном споре с теми, кто строчит глупости в районную газету. Лампея писала, что на месяц давали по банке-две консервов на человека, вот тебе и все мясо. Запаха колбасы по полгода не чуяли. Из Москвы «колбасные поезда» ходили, но не в Мезенский район: сюда никакие поезда не добирались и не добираются - бездорожье...

В личном хозяйстве тогда, в 70~80-е годы, почти никто живность не держал. Надеялись, что социализм еще более разовьется, что ли?.. Только работники торговли покупали, что хотели.

Правда, во время навигации самое-то необходимое завозили. Но в число «необходимого» попадало и то, чему срок реализации уже вот-вот должен

был выйти. Или каким-нибудь бычком в томате полки «украшали». Так и жили...

Но и теперь жизнь худа, только по-своему. Для таких, как баба Лампея. Сейчас хоть что покупай, но купила бы собака мяса, да денег нет. Или Купиш уехал в Париж...

Баба Лампея что-нибудь сочинила бы о нашей жизни.

При любой жизни она давала бы уют людям, они грелись бы у ее очага в холодном доме, который к восьмидесятым годам уже невозможно было отремонтировать. Горбатый, валился он на север...

- Заметил ли нет, что мой-то дом самый красивый? - спрашивала Лампея в нашу первую встречу.

Комнатушку в бывшем купеческом домище (при Советской власти в одной его половине разместились Дом культуры, библиотека и медпункт, другую отвели под жилье) дали ей лишь после того, как она пришла к председателю колхоза и высказалась ему:

Кукушица горе-горькое,
Горюшица беспризорная,
Покинул-то меня милый,
Оставил-то да любимый,
Издавайтесь, изгаляйтесь...

Такие сочинения она называла «плаксами».

- Слез-то много выплакиваю. А про меня говорят: «Глупа, дак и плачет».

Как ей, наверно, бывало тоскливо в мире!.. Уедут студентки, останется она одна. То есть подруга-то единственная рядом, но от нее устать недолго. Надев свой старый черный ватник, пойдет Лампея на берег моря, сядет на какую-нибудь упущенную архангельскими сплавщиками лесину, долго будет смотреть на воду, на горизонт. Ближе к берегу вода синеет, а дальше цветет сиренью. Серебрятся облака и дымка. Чудится, что где-то вдали есть сказочной красоты города, в которых Лампея никогда не была. Она видела только Архангельск - когда ее из тюрьмы выпустили, да когда пароход с тюленями в порт приходил.

Как-то так получалось, что к Лампее попадали все, чем-либо примечательные гости села. Если не наслышаны были о ней, то все равно ноги приводили к ее дому. Вот и московский поэт, не чуравшийся и публицистики, познакомился с Лампеей. Попил с ней чайку, поспрашивал о жизни, а в Москве, после того, как в очередной раз съездил в заграничный вояж, философствовал: дескать, богатство делает человека черствым, и в

противовес ставил бабу Лампею. Мол, ей много не надо, и человек она совсем другой.

Почему это ей много не надо? Для того она и вкалывала до 72 лет (полы мыла, дрова пилила и колола, печки топила в сельсовете), что удовольствовалась мизером?.. «Богатства немножко, коты да кошки». Были бы деньги хотя бы на чай с сухариками и конфетками. Да на трещочку - не может поморка без рыбы. Да на бутылочку для хорошего гостя или помощника. Приходилось ей «кошелек хранить»... Ей хотелось бы хоть немного денег скопить. Но скопила только на похороны.

Она все море перемеряла - много лет рыбу ловила, за тюленем ходила. И на «Дежнев», и на других ледоколах. Лиха через край хватила. Но в последнюю нашу встречу сказала мне: «Двадцать лет хотела бы еще пожить, покрасоваться. Мало еще тешусь, нежусь».

Душа ее то в кулак сжималась, то как цветок распускалась. То Лампея была раздражительной, усталой, то жизнелюбивой, ничто ее, казалось, не брало. А москвич увидел ее в общем-то лишь занятой, знающей много шуток-прибауток.

Она была, конечно, очень разной. Почему актеры, хорошие люди, могут с блеском играть подлецов? Потому что и в замечательном человеке чего только нет!.. Но бабу Лампею мой язык никогда не повернулся бы назвать плохой, даже если говорить о 1941 годе. Каким бы я был на ее месте? Или тот столичный житель?

Шла корова по угору,
Слезы капали на нос.
Обманул товарищ Сталин,
Не пойдем больше в колхоз.

В начале 1941 года за эту частушку арестовали 47-летнего мужика из Мегры. Причем, если и спел он эти строчки, то еще летом 1938 года, на сенокосе. Правда, ему еще некоторые «контрреволюционные» высказывания припомнили. А когда под Москвой всюю шли бои с немцами, арестовали и Лампею. Следствие стало выяснять, кто от кого слышал частушку «антисоветского содержания, дискредитировавшую одного из членов правительства». (Имя Сталина в следственных и судебных бумагах боялись даже упоминать, чтобы, боже упаси, кто-нибудь из коллег не подумал, будто чекист или судья допускают мысль о виновности вождя). Дело кончилось тем, что Лампею выпустили в декабре 1942 года, а мужика загнали в лагеря на 10 лет, где он и сгинул.

Лампея и ее односельчанин показывали друг на друга: дескать, вот от кого частушка услышана. От авторства оба отказывались: мол, кто-то привез ее в деревню. В конце концов, виновными признали обоих. Но так как за мужиком тянулся хвост и других «преступлений» (восхвалял-де царский строй, клеветал на положение колхозного крестьянства), то и не вышел он на свободу. А действия Лампеи называли «единичными, совершенными в силу неосознанности и малограмотности».

Видимо, был в этой истории ее грех, недаром она мне об этом совсем ничего не рассказывала и уходила в сторону от моих осторожных вопросов. А узнал я о случившемся из дел НКВД.

А я транзистор отшвырну
и выйду на пустынный берег
смотреть, как в черную Мегру
лосось врывается на нерест.

Какая жизнь кипит вокруг,
какие страсти в птичьих звонах!
Мне скушно, друг, мне тошно, друг,
страдать о правовых законах...

Это, конечно, не Лампея написала, а тот самый поэт и публицист. Он сумками и коробками таскал из-за границы шмотье («Взгляд» однажды это показал), а Лампеи и без хорошей одежды обойдутся, и без комфорта... Говорила ли она ему, что молодость у нее прошла в тряпках да с голым пузом, - это когда уже большевики утвердились...

В начале заката их правления и мне досталось. Так, «плавный переход» к себе... Сколько же, интересно, времени? За окном уже светает, так что, наверно, не меньше шести утра. А не сплю, пожалуй, часа три. И сна было примерно столько же. Десять лет назад тоже спал часа по три. Но тогда заснуть долго не мог, а теперь вот среди ночи просыпаюсь. А ты пей больше, еще лучше сон будет!.. Почему так: лежишь - нормально себя чувствуешь, будто и не с похмелья, а встанешь - хреново... С чем это можно сравнить? Не живешь - и ничего не болит, а пробуешь достойно жить - голова трещит. Вечное похмелье.

Может, так должно быть: чем лучше хочешь жить, тем сильнее болеть голове? Нет, тут связь не всегда такая. Даже если мозга шевелится. Мне - хоть шевели, хоть нет. Пытаюсь подрабатывать, но гонорары перестали слать и из газет, и из журналов, - нет у них денег. Несколько публикаций было недавно, но денег и на хлеб не заработал. Из Архангельска нет

гонораров, из Москвы - тоже... А что мне делать, если я умею только кое-что писать, другие средства к существованию не освоил.

Пить - нехорошо, а не пить не получается. Жизнь беспросветная, хоть сколько голову напрягай. Как тут в рюмку не заглянешь?.. Дом не построить, машину не купить. Денег до полочки не хватает. Как студент, ей-богу... При коммунистической власти хватало. Но и тогда не мог обзавестись ни «тачкой», ни домом. Но в то время хоть на что-нибудь можно было скопить денег, другое дело, что копить поздно начал, о своем доме долго не думал. До реформ не успел собрать денег ни на что. А теперь никакого выбора нет, никакой недвижимости или движимости не приобрести. Видеомагнитофон и цветной телевизор не в счет, семечки, тем более что «телек» самый плохонький из японских. Работаешь все лучше, а живешь все хуже. Как говорится, за что боролись?..

Да, а какая же была борьба, когда работал редактором районной газеты! Всем от нас доставалось, все «священные коровы» свое получали. До суда дело доходило, с иском к нам обращались, а мы свою демократическую линию гнули: хапнул что-то, соврал, сподличал - вот тебе по заслугам!..

Была иллюзия, что каждый номер газеты - кирпич в здание Перестройки... И по субботам работал, и по воскресеньям. Еще удивлялся: почему Горбачев не сделает на пару лет субботу рабочим днем? Понапрягались бы два годика, поускорялись - и зажили б как люди!..

А ведь началась «война» местных демократов против номенклатуры случайно.

Я стал в конце 85-го года редактором районки и начал, естественно, вносить в работу газеты что-то новое. У земляка писателя, который живет в Мурманске, но каждое лето приезжает на родину в Мезень, попросил что-нибудь из публицистики. Он дал большой очерк. Я его толком и не прочитал, зная, что как публицист писатель интересен и что к нему в районном комитете КПСС относятся благосклонно. (Не прошло и полугодя, как в актовом зале райкома торжественно отметили его 50-летие). Пару раз наш Первый заказывал Писателю статьи для центральных газет о проблемах района.

Ну, я отдал очерк в печать, а сам по командировке обкома уехал в Новгородскую область набираться чужого редакторского опыта. Приезжаю через пару недель - здесь публикацию заканчивают (печатали с продолжением), а меня Первый вызывает к себе. «Волгу» за мной уже не присылает, когда слышит, что наша старая машина по-прежнему в ремонте. Вот я появляюсь у Первого. У него сидит Третий, секретарь по идеологии. Вдвоем они и стали меня «накачивать»: дескать, публикация этого очерка -

политическая близорукость, нарушен принцип партийности, тут пахнет антисоветчиной, автор (и я вместе с ним) проявил незрелость, и что-то еще в том же духе. Причем разговор шел в обычной для Первого манере: говорил он сдержанно, голос не повышал. Прямо как товарищ Сталин. Только не трубку держал в руке, а сигарету. И не расхаживал по просторному кабинету. Но и без этих внешних деталей он был маленьким Сталиным.

Прорабатывали меня долго. И «двойкой» (хотя Третий-то большей частью молчал, солировал Первый), а позднее и на расширенном заседании бюро райкома (хотя были и осторожные слова в поддержку). И, по настоянию «отца района», на партийном собрании в редакции, куда явились те же секретари. Мне дали взыскание. Но не от бюро райкома, как водилось раньше, а от своей первичной организации. По новому веянию. Потупив взгляды, коллеги подняли руки. Не все считали, что меня надо наказывать. Но наказали по настоянию Первого. Да я и сам голосовал за тот выговорешник. До того меня додолбали, что стал сомневаться: а может, Писатель в чем-то не прав? Ну, и я вместе с ним. Хотя все-таки внутренне сопротивлялся и дал понять, что смотрю на очерк не так, как районные вожди.

Мои тайные сторонники (явных-то в общем-то и не было) расценили выговор как награждение если не орденом, то медалью. Но особенную популярность я приобрел у выпивох, которые, увидев меня на улице, не один год кричали нетрезвыми голосами (не только по поводу очерка, конечно): «Серег, держись, мы с тобой! Мы им покажем!». Само собой, ничем они мне не помогали. Хотя и такую солидарность можно считать помощью.

Пьяница - это человек, что-то в себе похоронивший. Может быть, эти пьяницы похоронили в себе смелость и справедливость, но не забывали об этом.

Нынче о выговорах не слышно, а раньше это взыскание было подобно отправлению в штрафбат на фронте.

А из-за чего же был весь сыр-бор? Что уж такое написал Писатель? В очерке говорилось о вещах самых обычных. Но это - с нынешней точки зрения. А тогда «криминала» нашли немало. Впрочем, если бы его не увидел «маленький Сталин» (или кто-то в обкоме КПСС), то никто бы, пожалуй, и не подсуетился, не побежал с доносом: дескать, антисоветчину порют. Как-никак гласность объявили, надо теперь говорить о том, о чем раньше молчали.

Но, оказалось, не следовало писать о том, что у нас плохая больница; что райком заготавливает мало дров, поэтому неплохо бы разрешить горожанам вылавливать аварийную древесину, иначе она уплывет морем в Норвегию, где заводы только и пилят его, упущенный нами лес.

Запретной темой был и лов семги. Писатель предлагал ввести его по лицензиям, чтобы уменьшить браконьерство. Он основательно считал, что, нарушая запрет, семгу все равно добывать будут, потому что у поморов есть моральное оправдание: кому-то ее можно есть, ведь колхозную семужку в Архангельск и Москву увозят, а мы, коренные жители, испытывающие физиологическую потребность в рыбе, в частности, в красной, не имеем права отвести душу даже за праздничным столом... В Мурманской области сделали лицензионный лов, а у нас почему нельзя?

И уж совсем недопустимыми были еще два «момента». Писатель говорил о том, что народ должен сам управлять делами. (Ленин и Горбачев были того же мнения, вспомним о кухарке). Слова Писателя на этот счет были такие: «Надо брать вожжи в свои руки, а то ведь они по земле волочатся». Это расценили как призыв к событиям наподобие польских. Стало быть, Писателя можно было считать Лехом Валенсой номер два, а меня - пособником польского электрика.

И второй «момент». В очерке одним словом упоминался облисполком. В связи с тем, что мезенцы, много дней сидевшие в архангельском аэропорту, подали в этот орган телеграмму: мезенская грунтовая взлетка раскисла, помогите вертолетом. Первый по этому поводу возмущался: дескать, до чего додумались, в районной (!) газете все поминать эту высокую инстанцию!..

Я защищался, как мог. Вынужденный прочитать очерк внимательно, не мог понять: чего Первый всполошился? (Естественно, внутренне. Внешне этот хорошо сбитый мужик выглядел по-прежнему внушительно). Я цитировал Ленина: «Газета обязана вести дискуссию». Значит, надо, мол, обсудить на страницах газеты очерк. Давайте разберемся, что там правильно, что - нет. Ни меня, ни Ленина не слышали. Слышали что-то свое, мне непонятное.

Первый высказался на заключительном этапе избиения младенца.

- Мы, первые секретари, в кулуарах обсуждали между собой, почему у нас газеты стали распоясываться. Может быть, в ЦК эксперимент решили провести - дать кое-кому волю писать, что в голову взбредет, чтобы узнать, о чем у нас интеллигенция думает. А другие и подхватили эти нехорошие песни. Спешат, чересчур спешат...

Первый подумал: не снять ли меня? Но, как человек политически зрелый, сообразил, что это против него сыграет. Ему же могли сказать: «А ты куда смотрел? Что, кадров своих не знаешь? Не надо ли и с тобой получше поразбираться?..»

Напоследок я получил на собрании напутствие от своего предшественника, ушедшего на пенсию и по-прежнему состоявшего у пас на партийном учете: «Любую дискуссию надо начинать только с ведома райкома». Неудивительно, что Первый сказал о моем бывшем шефе в пику мне: «Иван Андреевич высочайшую политическую бдительность имел».

Первый, как оказалось, переосторожничал. Прошел лишь год - и его сняли. Для примера другим. Было это после организованной обкомом статьи в областной газете о неверных методах руководства хозяина района.

Передвинутый на областной туризм, бывший Первый некоторое время приходил в себя. Пришел - и примерил новую роль, маленького Ельцина. На пленумах обкома громил своего обидчика, Первого в области. Делать это было безопасно: кресло под тем шаталось, да и в то время критиковать уже можно стало хоть кого.

Любопытная же все-таки фигура наш бывший Первый. Родители - из «кулаков», из сосланных на Север. Он об этом как будто забыл. Другой бы на его месте добрее был, ведь знает же, что пережили отец и мать, заброшенные из благодатных южных земель в темный северный лес, где ни дорог, ни домов... Сколько народу умерло зимой, пока устраивались, - никто, наверно, теперь не скажет... А Первый так себя вел, будто был тем начальником, который с его родителями провел эксперимент: выживут - не выживут?.. Или его советское воспитание таким сделало, или он понял, что надо приспособиться к Системе?..

В рынке он себя не нашел, потому что мог только командовать, а потребовались еще кое-какие качества.

Теперь наш бывший босс - мелкая сошка в областной администрации, в службе цен (признался одному своему знакомому, что ничего в ценах не понимает), но выглядит неплохо, как будто вернулись старые времена, и он снова первый секретарь райкома КПСС.

А кто я теперь? Уже давно не гроза районных начальников, хотя трибуна моя внушительней. Если раньше они что-то хапали, то побаивались разбирательства руководящей инстанции или общественного мнения. А теперь бояться некого и нечего. У всех рыльце в пушку. Ну, точнее, у многих. Как ни начальничек, так или списанную легковушку имеет («Волга» райкомовская тоже не пропала, а машине еще бегать бы и бегать в какой-нибудь конторе); или лавочку держит, тайно ли, явно ли; или дом

такой строит, что о-го-го! А народ тишком повозмущается да и замолчит, - чего на него внимание обращать, много чести!..

Что такое теперь журналистика?.. Раньше хоть в чем-то кому-то можно было помочь газетной заметкой. Старушке квартиру отремонтируют или дров привезут. А ныне? Хоть ты запишись!.. Раньше я думал: всем нам, смертным, живется на земле тяжело, и, коли ты можешь, твой долг – чем-то помогать рядом живущим. В этом - твое пред назначение. А теперь - в чем мое предназначение?..

Ну, вот, с таким неважным настроением надо как-то день начинать. Как-то работать, жить. Часто не хочется ничего. В петлю лезть - пошло. А пистолета нет. И охотничьего ружья нет, не охотник. Да и нельзя ни вешаться, ни стреляться. Мать ведь убьешь... С дочерью проще, она замужем, а сыну всего-то 13 лет. Надо бы его как-то поднять. Хорошо бы выучить, тем более что парень вроде способный.

Будет ли дальше легче жить? Пока не похоже. Раньше казалось, что строишь вместе со всеми социализм. Пусть непонятн, какой, потому что чего еще вроде строить, если и так до развитого дожили... Но все равно ты ощущал себя участником общего дела. Все были как бы в одном коллективе, работали друг для друга, думали друг о друге. Я думаю о ЦК, Центральный Комитет думает обо мне. Это иллюзия была, хотя в какой-то мере и реальность. А теперь кто обо мне думает?..

Раньше не жил в достатке, но мог хоть каждое лето на юг ездить. И ездил долго, лечил свой псориаз. Теперь же и в Архангельск попасть - огромная проблема, словно за границу прежде. А достаток для меня, человека не религиозного и не принимающего любую жизнь как благо, - вещь бы нужная. Были бы свои радости от того, что живешь в доме, который для тебя - собственная крепость, от того, что машина увезет тебя к дальней опушке леса, где поутру дожидаются тебя рыжики, которые сохраняют аромат леса на всю зиму...

Не могу я ощущать себя комфортно, бедствуя. (Месяца три-четыре только и получал приличную зарплату, тогда и удалось купить видеомэгаффон и телевизор. А теперь и на хлеб порой не хватает. Вчера проверил все карманы всей одежды, нашел две тысячи - как раз на буханку). Хотел бы, чтоб у меня было другое мировосприятие, но где мне его взять?..

Живу, в общем-то, в ладу с собой, ведь делаю свое дело честно и не хуже многих, а то и лучше. Кто еще, в каком районном городке выпустил три сборника историко-краеведческих очерков?.. Кого летописцем Мезени не

раз называли? Ну, и живи бы себе спокойно, играй с сыном и его друзьями в футбол летом и зимой, ходи в лес, читай книги.

Футбол позволяет на время снять стресс. Да водка еще, конечно. А и в лесу не забываешь о разных мерзостях, и книги все меньше хочется читать. Такое ощущение, что я в этой жизни уже все знаю, все понимаю. Ничем меня никто не удивит, мало чем порадует...

Радости кое-какие еще, правда, остаются. Квартира нашего коммунального дома смотрит окнами на две стороны. С одной - обшарпанное грязно-серое здание городской бани, оставшееся от купцов Ружниковых; кучи угля и шлака возле квартальной котельной; помойки, двор, заставленный поленницами дров, детям играть негде... Котельную лет 15 назад отгрохали огромную, а ее тепла не хватает даже на отопление близстоящих домов, их и не подключили. Здание-то районной администрации, конечно, отапливается... Ну ее, эту администрацию, не думай о ней... А с другой стороны - вид, прекрасный в любое время года. Здесь протока Мезени, за ней широкий луг, потом сама Мезень. Летом кони ходят под угором, стога сена в тумане, словно плывущие корабли... Какой простор, какие краски!.. Всякий раз душа поет. Хоть недолго, а поет. Ей простор нужен, вот почему мне всегда хорошо на угоре.

Вот пойду сейчас на угор, постою да и зайду, пожалуй, в прокуратуру. Ответственный секретарь газеты напоминал, что надо «позабавить читателя» чем-нибудь криминальным. А в прокуратуре наверняка есть что-нибудь новенькое: кража, убийство, пожар...

Жена и сын еще спят в своих комнатах, а мне пора вставать. Ну, давай - подъем!..

1995 г.